

УДК 82.0:82-31+39(470.47)
ББК Ш5(2=Р)5-4Ган Е.+Ш401(2Рос-Калм)

ЭТНОПОЭТИКА ПОВЕСТИ ЕЛЕНЫ ГАН «УТБАЛЛА»

Е. А. Вяткина

Исследование творчества русской писательницы 30-х гг. XIX в. Елены Андреевны Ган (псевдоним Зенеида Р-ва) носит эпизодический характер. Тем не менее критики и литературоведы ставят именно ей в заслугу включение женской тематики в русскую словесность. Елена Ган одной из первых вводит образ калмычки в русскую литературу. В отличие от И. И. Лажечникова, который не идентифицировал национальность героини романа «Ледяной дом» (1835) Акулины Подачкиной (исторический прототип — калмычка Авдотья Буженинова при дворе Анны Иоанновны), писательница не только указала на национальную принадлежность героини в повести «Утбалла» (1837), но и показала жизнь и быт калмыцкого народа. В. Г. Белинский высоко оценил «Утбаллу» и в числе других произведений Е. Ган («Джеллаледин» и «Медальон») считал «одними из лучших повестей, какие были в то время написаны в Европе: они обещали русской словесности талант истинно писательский» [Белинский 1843: 18].

Рассмотрение «восточной» повести Е. Ган «Утбалла» сводится к отдельным замечаниям в работах В. Ляцак [1995], И. Савкиной [1998], Э. Шорэ [2000], а также к газетным статьям краеведа Е. Польской [1962], фольклориста Д. Басаева [2000] и литературоведа Р. М. Ханиновой [2011]. В диссертации М. И. Сизовой, построенной на основе анализа «светских» повестей Е. Ган, «Утбалла» не рассматривается [Сизова 2007]. Этнопоэтика повести, а именно ее калмыцкий компонент, исследование которого составляет цель нашей статьи, не вызывала интереса у исследователей, вероятно, в виду своей инациональной специфики, требующей определенных знаний.

Термин «этнопоэтика» не получил до сих пор конкретного определения. Мы придерживаемся определения О. К. Лагуновой: «Под этнопоэтикой понимается отрасль исторической поэтики, изучающая сферу системной взаимосвязи элементов художественного целого, организованную

предметным выражением авторской интенции своего/чужого, отражающей смыслы и ценности национальной идентификации художника, специфику опоры его письменного слова на мифофольклорное предание (наследие) народа с учетом отношений читатель — текст» [Лагунова 2008: 9].

Обращение Елены Ган к калмыцкой теме в повести «Утбалла» объяснимо фактами биографии: ее отец, Андрей Михайлович Фадеев, служил главным попечителем кочующих народов в Астрахани (с 1834 по 1840 гг.). Сведения о поездке Е. Ган вместе с родными из Астрахани на Кавказ в мае 1837 г., представленные в биографической справке Е. С. Некрасовой, несколько проясняют творческую историю повести: «Дорога пролегла через калмыцкие улусы <...>; случалось, вместо лошадей приходилось тащиться на верблюдах, останавливаться на ночлег в калмыцких кибитках. Все было ново и интересно для молодой писательницы, и она с любопытством вглядывалась в формы жизни кочевников и по дороге набирала материал для повести „Утбалла“» [Некрасова 1886: 556].

Заглавие повести антропонимично: содержит имя главной героини, эксплицируя ее национальность и центральное место в сюжете произведения. Утбалла — полукровка: отец — русский, мать — калмычка. Как указывает автор повести, в переводе с монгольского языка имя девушки означает «распустившийся цветок». Исследуя этимологию имени, Р. М. Ханинова устанавливает, что «в монгольских женских именах составное слово „цветок“ — это цэцэг. А „удвал цэцэг“ — по-монгольски название хризантемы, о которой на Востоке есть легенда как об эликсире жизни, дающем бессмертие» [Ханинова 2011: 3]. По мнению М. У. Монраева, имя Утбалла в переводе с санскрита означает «голубой лотос» [Монраев 2012: 201]. Расхождение перевода и авторской трактовки имени свидетельствует о намеренном соотношении имени героини с преданием о цветке, вошедшем в текст повести, и в целом — с ее судьбой.

Хронотоп повести делится на две неравные части. Во второй — большей — части девушку после смерти отца из небольшого приволжского городка отвозят к матери: действие переносится в калмыцкие степи, что дает существенное основание для изображения природы, реалий жизни, обычаев и традиций калмыцкого народа, этнографических деталей народного быта. В целях создания этнографической картины жизни улуса, в котором жила Утбалла, автор подробно описывает особенности кочевого быта калмыков: перекочевку улуса на новые пастбища; расположение кибиток («правильным кругом, посреди возвышались хурулы — храмы богов и кибитки владельцев» [Ган 1990: 39]); внутреннее убранство княжеской кибитки (покрыта войлоком, «обита богатыми коврами», сундуки по обеим сторонам кровати, статуэтка Будды, портрет Далай-ламы); ключевую деталь — очаг [Ган 1990: 39].

Русским путешественникам (один из них — возлюбленный Утбаллы Борис), подъехавшим к кибитке старого нойона Джиргала (мужа Утбаллы), оказываются почести в соответствии с правилами калмыцкого этикета (встреча «у порога кибитки», усаживание на самое почетное место и пр.), но в повести есть некоторые неточности. Прежде чем поднести чай, два калмыка «выплеснули немного чаю за дверь кибитки для нечистого духа» [Ган 1990: 40]. Чай калмыки считали священным напитком, его ритуальным вкушением сопровождали благословление дальнюю дорогу, переход на новую стоянку, поселение в новое жилище, рождение ребенка, новое дело, «разделяя важные периоды в повседневной жизни человека» [Борджанова 2007: 368].

Путешественники с большим интересом наблюдают празднование калмыцкого национального праздника наступления лета, Урюс сар, название которого Е. Ган не упоминает. В подробном описании хурульной кибитки в день праздника, священнодействий гелюнгов в красных халатах с желтыми «перевязями» через плечо, игры музыкальных инструментов (медные тарелки, колокольчики, флейты, бубны, медные трубы), чтения молитв проявляется как знание чужеродного быта автором, так и его толерантная позиция в отношении иной конфессии.

Писательница уделяет внимание простой и праздничной одежде инородцев, описывает занятия жен простых калмы-

ков (чинили кибитки, чистили седла, шили одежду) и «калмычек благородной крови» («ткали золотые позументы и шелковые бахромы к платьям») [Ган 1990: 31]. Е. Ган неоднократно упоминает трубку как неотъемлемую часть образа жизни калмыков. Согласно правилам калмыцкого застольного этикета, гостям «подносили раскуренные трубки» [Шараева 2011: 88], в повести Утбалла, как хозяйка, не раскуривает их, предоставляя исполнение этой обязанности прислуге. Русские путешественники становятся свидетелями ловли арканами диких лошадей, калмыцкой борьбы, стрельбы в цель, игры в карты и в шахматы.

Имена собственные — Джала, Джиргал, Харцыг — также являются компонентом национальной культуры, но их семантика прямо не соотносится с характерами, мировоззрением, социальным положением героев повести [Вяткина 2012а: 32–33]. Наличие в тексте безэквивалентной лексики создает национальный колорит: кибитка, бакшигелюнг, бурханы, хурул, нойон, зайсанг, Эрлик-хан и др.

В сюжете повести русские путешественники Снежин и Зерков, бывшие проездом в калмыцком улусе, знакомятся с жизнью и бытом степняков, что позволяет автору подчеркнуть разность европейской и азиатской культур. Самой Утбалле нелегко было вначале привыкнуть к кочевому укладу предков, она пыталась уйти из жизни, но затем, казалось, смирилась, когда ее выдали замуж за старого нойона. Встреча с Борисом Снежиным воскресила прежние чувства.

В развязке повести изображена расправа с неверной женой: народ сорвал с Утбаллы одежду, «разорвал на клочки полости, покрывающие ее жилище, опрокинул решетчатые стены, сундуки...» [Ган 1990: 64] и оставил одну в степи, а весь улус ушел на другое место кочевки. Любовь Утбаллы носит характер самопожертвования: спасая возлюбленного, она обрекает себя на смерть. В. Г. Белинский восхищался тем, что героиня «всем жертвует — даже жизнью, решаясь на страшную смерть <...>, чтобы доставить милому минуту упоения любовью... И Утбалла — эта очаровательная Калмычка — гибнет жертвою своей великодушной решимости...» [Белинский 1843: 9].

Важное место в повести занимают два предания, представленные Е. Ган как калмыцкие, они привлекаются ею в творческих целях и наделены писательницей опре-

деленными функциями в сюжете. Первое «предание степей» — о цветке, раскрывающемся ночью под лучами звезды, — создано автором по законам поэтики романтического произведения, с использованием иносказательного языка флористики, носит литературный характер, имеет сюжетообразующую и характерологическую функции (соотнесено с биографическим, культурным и духовным опытом героини) и призвано создать инонациональный колорит повести: Утбалла с помощью цветка (мирабилис) призналась в любви Борису [Вяткина 2012б: 90–95]. Во втором предании — о калмыцкой княгине, полюбившей своего подданного, молодого зайсанга, и уговорившей его убить своего мужа, — на наш взгляд, фольклорное начало выражено явственнее. Об этой истории рассказал Борису его попутчик Зерков во время поездки в улус. Этот вставной рассказ имеет не только характерологическую функцию (героиня предания противопоставлена героине повести), но и предваряет трагический финал произведения: в предании молодой зайсанг отказался от побега, организованного княгиней, чувствуя свою вину, а в повести Утбалла также отказалась от побега с Борисом, спасая его жизнь [Вяткина 2012в: 88–89]. Текст предания Д. Э. Басаев извлек из повести и поместил под названием «Пролитая кровь» в сборник калмыцких легенд и преданий «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 316–318], таким образом признав его фольклорным, а также привел в комментариях архивные документы, подтверждающие сведения, описанные в предании [Семь звезд 2004: 394].

Тяготение к изображению «чужого», необычного, экзотического, противопоставление цивилизации и природы, заинтересованное внимание к фольклору и этнографии — наиболее существенные типологические черты русского романтизма. «Восточная» повесть Е. Ган свидетельствует об органичности освоения инонационального материала русской литературой.

Литература

- Басаев Д. Земля моя легендами богата // Известия Калмыкии. 2000. 21 сентября. С. 3.
- Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой // Отечественные записки. 1843. Т. 31. С. 1–24.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Вяткина Е. А. «Этнографический романтизм» в повести Е. Ган «Утбалла» // Литература в движении эпох: межвузовский сборник научных трудов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 26–36.
- Вяткина Е. А. Калмыцкое предание в повести Елены Ган «Утбалла» // Проблемы междисциплинарного взаимодействия: сб. материалов I Всероссийской научно-практической интернет-конференции. Якутск: Издатель. дом СВФУ, 2012. С. 90–95.
- Вяткина Е. А. Калмыцкое предание о любви в повести Елены Ган «Утбалла» // Давид Кугультинов — поэт, философ, гражданин: Мат-лы Всерос. науч. конф. М». Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 87–89.
- Ган Е. А. Утбалла // Ган Е. А. Утбалла; Корженевская И. В. Девочка Царцаха. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. С. 3–64.
- Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей-ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 42 с.
- Ляцак В. «Женщина с могучей душой». Наблюдения над жизнью и творчеством Елены Андреевны Ган // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII — первой трети XX века // сост. М. Ш. Файнштейн. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1995. Издат. дом «Герел». С. 59–72.
- Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 255 с.
- Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган // Русская старина. Т. 51–52. Сентябрь-декабрь. СПб., 1886. С. 553–574.
- Польская Е. Утбалла. Калмыки в русской литературе // Советская Калмыкия. 1962. 14 апреля. С. 3.
- Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг. XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с.
- Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сизова М. И. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е. А. Ган: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 217 с.
- Ханинова Р. М. Что значит «Утбалла»? О символике цветов в повести Елены Ган // Известия Калмыкии. 2011. 20 августа. С. 3.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — начала XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Шорэ Э. Желание любить и страстное стремление к искусству (Е. А. Ган и ее рассказ «Идеал») // Филологические науки. 2000. № 3. С. 104–116.